

Александр СИПЯГИН:

«Джаз превратился в академическую музыку»

Внучатый племянник Леонида Собинава считает предтечами джаза музыку Баха, Стравинского и Такэмицу

Самый именитый джазмен, подаренный миру Ярославлем, вновь выступил в родном городе. Трубочник Александр Сипягин стал почетным участником джем-сешн в городском джазовом центре. Компанию мэтру, который с начала 90-х живёт в Нью-Йорке, составили молодые музыканты из Ярославля, Костромы, Москвы, Петербурга, а также гости из-за океана. На следующий день после своего выступления лауреат трёх «Грэмми», участник десятков престижных музыкальных проектов, объездивший с концертами весь мир, композитор и педагог Александр Сипягин ответил на вопросы корреспондента «Северного края».

— «Джаз — музыка толстых», — сказал когда-то Максим Горький. А как бы вы переиначили эту фразу применительно к настоящему времени? Кто сегодня слушает джаз?

— В этой фразе есть какая-то правда, хотя звучит она пошло. Во времена Горького джаз был разновидностью популярной музыки. Богатые люди могли себе позволить ходить в рестораны и слушать там настоящие джазмены. В наше время джаз превратился в академическую музыку. Он уходит из маленьких клубов в большие залы. На престижные европейские джазовые фестивали люди за год заказывают билеты. Концерты собирают тысячи зрителей.

— А самому джазу это на пользу?

— Думаю, да. Как любая музыка, он не стоит на месте, вырастает во что-то большее. Музыкальные учебные заведения, школы, консерватории уделяют всё больше внимания джазовой теории.

— Нечто похожее в своё время происходило с оперой. Ведь когда-то это был лёгкий жанр. А сейчас трудно представить себе что-то более академичное...

— Очень удачное сравнение. Абсолютно верно.

— Вы уже более двадцати лет живёте в Нью-Йорке. По вашему признанию, это — «столица джаза». Но у всякого музыкального искусства бывает своё золотое время. Изменилось в городе за прошедшие годы отношение к джазу?

— Изменилось, причём в лучшую сторону. Всё больше людей на планете знают, что Нью-Йорк — настоящая джазовая столица. Туристы, приезжающие сюда, как правило, посещают джаз-клубы, потому что такого больше нигде не услышать. Если в любой столице мира вы найдёте два-три таких настоящих клуба, то в Нью-Йорке их может быть, триста. И во всех одновременно играют потрясающие музыканты. Конкуренция очень высокая, просто так туда не попасть. И то хорошо. Качество музыки становится всё выше.

— То есть по числу джазовых музыкантов на один квадратный километр Нью-Йорк — абсолютный рекордмен?

— Особенно Манхэттен. Хотя джаз-клубы есть и в других районах Нью-Йорка. Но этот аленький остров вне конкуренции. Есть район, который называется Гринвич-виллидж, где джаз-клубы буквально через квартал.

— В одном из своих интервью вы рассказывали, как начинали в США. Съёмка квартиры на семерых, частые концерты на Манхэттене. А как сегодня устроена ваша жизнь в бытовом плане? Как проходит ваш обычный день, если вы не на гастролях?

— Начнём с того, что на гастролях я восемь месяцев в году плюс-минус месяц. Когда возвращаюсь домой, пытаюсь

восстановиться. Успокоить нервы, позаниматься спортом. Как говорится, устройте релакс. Достичь состояния, когда тебя ничто не тревожит и ты можешь сочинять музыку. Время в Нью-Йорке я стремлюсь организовать так, чтобы написать какие-то новые композиции. Репетируются и обыгрываются они на гастрольях.

Разумеется, меня всё равно вытаскивают из дома на концерты. Например, сразу по возвращении домой запланирована неделя ежедневных выступлений в клубе «Блю Хот». Это джазовый клуб на Манхэттене, самый известный не только в Нью-Йорке, но и в мире. Там в основном выступают звёзды. Я буду играть в проекте американского тромбониста Конрада Хервига каждый вечер — с понедельника до воскресенья. Плюс ко всему нас ждёт лайф рекординг, то есть всё это будет записываться. Итогом выступлений станет компакт-диск. Его выпустит звукозаписывающая компания, принадлежащая клубу «Блю Хот».

— Вашему сыну Никите сейчас одиннадцать лет. Унаследовал ли он от отца любовь к джазовой музыке?

— Сейчас очень сложно сказать, потому что семьдесят процентов времени у него занимает школа. В Нью-Йорке строгие учителя, тем более в районе, где мы живём — на Лонг-Айленде. Тем не менее, интересы Никиты учёбой не ограничиваются. Занимается тэквондо. Кроме того, второй год играет на трубе в школьном оркестре. Не могу сказать, что сильно увлечён, но интерес есть. Я пока не настаиваю его по полной программе. Время не пришло. Пускай сначала найдёт себя. Посмотрим через год. Если увлечётся, я начну давать ему серьёзные уроки. Сейчас у него после пятнадцати минут занятий теряется интерес. А я не хочу учить из-под палки. Сам начал играть в тринадцать лет. И уже чувствовал, к чему стремлюсь.

— Кстати, почему в своё время вы выбрали именно трубу?

— Я попал в духовой оркестр Дворца пионеров Дзержинского района к потрясающему педагогу Михаилу Самаяеву. Он отобрал меня и ещё нескольких ребят. А остальных отправил на барабан. Тогда я впервые взял в руки трубу. Самаяев сразу видел, кому есть смысл продолжать, а кому нет. Я попал в число счастливых. Почему-то так сразу получилось, что нота у меня взошла. Хотя сам-то я хотел играть на барабанах. Спустя три дня я понял, что хочу вернуться и продолжать. Так и пошло. Он был мудрый педагог и потрясающий классический трубач, который всю жизнь играл в симфонических оркестрах. А под конец жизни попал во Дворец пионеров.

— Похоже, ваша «дыхалка» была просто создана для игры на трубе. Вчера на джем-сешн я обратил внимание на контрабасиста, который с вами выступал. Его

Фото Александра БЕЛЯКОВА.

кисти рук, казалось, идеально подходило для игры именно на этом инструменте. Красивое было зрелище. Кстати, вы тоже красиво играли. Как будто срастаясь с трубой. Когда человек и инструмент друг другу подходят, это ещё и визуальное удовольствие...

— Должно быть удобно во всём. Играть на трубе тебе должно быть удобно и комфортно. А если ты мучаешься, разумеется, это и смотрится, как мучение.

— Я помню, лет тридцать назад в Ярославской филармонии выступал Эмиль Гилельс. Он был уже очень пожилой и нездоровый человек. Но, когда садился за клавиши, им невозможно было не любоваться... Однако продолжим. Вы почти два десятилетия играете в оркестре, носящем имя Чарли Мингуса. С ним вы объездили весь мир. Подобное состояние — особенность личности или оно связано с той высокой оценкой, которую вы даёте самому Мингусу? Напомним ваши слова «в джазе он — как Бах в классической музыке»...

— Я до сих пор так считаю. Чарли Мингус перевернул джаз, внёс в него политику, создал новые формы, внедрил новые инструменты. Его композиции настолько разные! Он постоянно экспериментировал. С помощью музыки высказывался на любую волнующую его тему. Как афроамериканец, протестовал против расизма. Разумеется, его неоднократно арестовывали... Кроме того, он был потрясающим инструменталистом. Композиции Мингуса в гармоническом плане до сих пор слушаются на ура.

— А как вы попали в оркестр?

— Как все. Меня порекомендовали. Им понравилось. Пригласили опять. В конце концов, я там остался. В Америке тебя приглашают, пока ты подходишь. Если нет, возмущают другого, который будет лучше. Мне удаётся играть в оркестре Чарли Мингуса уже восемнадцать лет. До определённого момента это было основное место моей работы. Сейчас это не так. Я в первую очередь стараюсь сконцентрироваться на своей программе. И это нормально. Многие музыканты начинают в одном месте, продолжают в другом, третьем. Пока не хватит энергии и средств создать собственную музыку. В этом и есть цель. Тем не менее в августе я еду с оркестром на гастроли по Японии и Южной Корее.

— Как живая и мёртвая вода в сказках, существует живая и мёртвая музыка. Чтобы услышать её, достаточно включить телевизор. Причём мёртвой может быть не только попса, но и классика из разряда популярной. А бывает ли, на ваш взгляд, мёртвый джаз? Приходилось ли вам его исполнять — ради денег или по другим причинам?

— Всякое было. Разумеется, сначала деньги играли большую роль. Стараясь выжить в Америке, я сначала соглашался без разбору на любое предложение, даже не спрашивая, что придётся исполнять. Открывал ноты и играл. Бывало, что тошнило от подобной музыки. Но надо было зарабатывать, отдавать долги. Потом, разумеется, всё это постепенно ушло, и количество живой музыки стало увеличиваться...

— А сейчас оно достигло в вашей жизни ста процентов?

— Ну, конечно. Но сама по себе мёртвая музыка никуда не делась. Например, джаз с попсовыми отголосками. Тот, что работает на русских рестораны Нью-Йорка. В первые годы моей жизни в Америке я играл в одном из таких заведений, чтобы выжить. Это был мёртвый джаз. Я это прекрасно знал. Я это ненавидел. Как же хорошо, что всё это кончилось давным-давно!

— Опыт общения с людьми искусства убеждает меня в том, что они редко знают своих талантливых современников из других сфер творчества. Музыканты почти не знают литераторов, литераторы — художников, художники — музыкантов. Энциклопедистов мало, и тому есть объективная причина — повседневная борьба за существование и связанная с ней нехватка досуга. А как далеко простираются ваши художественные интересы? Каким искусствам, кроме музыки, хватает места в вашей жизни?

— Для меня некоторые виды спорта — тоже искусство. Например, большой теннис. Это не просто мускулы — это мозги, это философия. При любой возможности я смотрю матчи лучших ракеток мира.

— Это ещё и хореография...

— Она меня вдохновляет. Одну из своих композиций я написал, посмотрев финал Уимблдона. Разумеется, со мной всегда русская классика. Если читаю, только её. Сейчас появились «айпеды», в которые очень легко загнать русские книги. В перелётах меня сопровождает Достоевский. «Братья Карамазовы» поэзии. Сюда летел с «Преступлением и наказанием». Всё это было прочитано

сто лет назад. Сейчас воспринимаем другими глазами.

Ну и, конечно, классическая музыка. Это такое постоянное духовное питание. Современный джаз на пятьдесят процентов состоит из классических оборотов. Сейчас очень многие мои коллеги обращают внимание на Стравинского. У него столько можно научиться! Японский композитор Такэмицу — ещё одно имя, важное для меня. Ну и, конечно, Бах.

— Границы того или иного искусства порой оказываются настолько широкими, что разные его представители не признают друг друга. Традиционалисты отвергают авангардистов и наоборот, творцы фигуративной живописи хаот абстракцию. И наоборот. Существует ли такая проблема внутри джазового сообщества?

— Существует, но не в Нью-Йорке. В этом городе почему-то всем хватает места. И добродетельности. Никто никому на ногу не наступает. Множество разных стилей, и все живые. К сожалению, в России я сталкивался с людьми, которые говорят: «Твой стиль не тот, а мой — тот!» Это чисто российская проблема. Я понимаю, почему она возникает. У музыкантов просто нет возможности высказаться. А в Нью-Йорке площадок хватает на всех.

К счастью, эта война не затронула молодое поколение. Эти люди более способны на содружество, понимание, уважение.

— Вы играли разную музыку — от джазовых стандартов до экспериментальной. Вам всё интересно в равной степени или есть предпочтения?

— Я не провожу границу между тем и другим. Беру стандарт и аранжирую его в своём стиле, так что музыка в итоге получается экспериментальной.

— В июне вам стукнуло сорок пять. Ощущаете ли вы эту дату как рубеж? Какими важными событиями отмечен для вас юбилейный год?

— В этом году мне выпало стать участником четырёх проектов, совершенно разных по стилю. Все они записываются в Нью-Йорке. Причин тому несколько. Во-первых, особый нью-йоркский дух, во-вторых, замечательные музыканты, в-третьих, студии.

— И о втором юбилее этого лета. 7-го июня исполнилось 140 лет со дня рождения Леонида Собинава, внучатым племянником которого вы являетесь. Какую роль сыграл прославленный предок в вашем самоопределении?

— Меня его пример вдохновлял. Особенно, когда я был студентом Ярославского музыкального училища, которое носит имя Собинава. И хотя репертуар Леонида Витальевича был мне тогда не очень близок, записи его я слушал. Чтобы знать.

— Семь лет назад в интервью «Северному краю» вы сказали: «Круг любителей джаза постоянно растёт». И назвали в числе джазовых городов не только Москву и Питер, но и Ярославль. А как сегодня обстоят дела?

— В нестоличных городах джазовое сообщество гораздо сплочённое, чем в Москве. В столице всё разбросано. Выступая минувшей зимой в клубе Игоря Бутмана, я обратил внимание: публика приходит не слушать музыку, а просто провести время в модном месте. Для понтов, грубо говоря. В Ярославле же вчера я просто чувствовал энергию зала. Люди слушают. Кто-то уже знает эту музыку, кто-то пришёл первый раз. Ну у всех в глазах — интерес. Знаете, я это воспринимаю как миссию: помогать развитию ярославского джаза.

— Ваша жена Мондей Мициру считается одной из самых талантливых японских соул-вокалисток. В 2009 году она выступала вместе с вами в Ярославской филармонии. Этот «семейный проект» получил продолжение?

— Способности к музыке — это у неё наследственное. Она выросла в джазе. Отец Мондей — знаменитый американский саксофонист Чарли Мариано, три года назад ушедший из жизни. Мать — японская джазовая пианистка. Мондей закончила музыкальный колледж по классу флейты. Была актрисой, снималась в кино. С этого началась её карьера в Японии. На самом деле она не только вокалистка. Мондей пишет музыку, она создала свой стиль. Комбинирует бразильскую, африканскую, европейскую музыку на джазовой основе. Этот стиль пользуется большим уважением среди английских диджеев. Пока мы не познакомились, я и представления не имел, что такое существует. Это андеграунд, музыка для глубокой публики. Мондей практически не выступает в Нью-Йорке, но постоянно даёт концерты в Японии.

На каждой её пластинке я делаю аранжировки для струнных, деревянных, духовых. И, разумеется, исполняю сольные партии. Три-четыре раза в год мы ездим в Японию или в Индонезию с её проектом. Я с удовольствием экспериментирую на сцене вместе с ней.

— На джем-сешн в Ярославле вы упомянули о своей преподавательской деятельности. Расскажите об этом чуть подробнее.

— Одно из мест, где я преподаю постоянно, — консерватория принца Клауса на севере Голландии, в Гронингене. Восемь американских музыкантов, и я в их числе, сменяя друг друга, приезжают сюда. Каждый работает на джазовом отделении по одной неделе. Консерватория в Гронингене единственная в Европе имеет такую программу. Помимо этого часть гастрольного графика всегда отведена мастер-классам. Мои ученики разбросаны по всему миру. Это очень интересно. Ты как бы выворачиваешь себя наизнанку и смотришь, всё правильно сделано или нет...

Беседовал Александр БЕЛЯКОВ.

«Это наша земля, убирайся, гад!»

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

дружка. Хмурым сентябрьским утром 1941 года наши деревни

брались до края болотца. И тут

Удивительная связь времён

Пу Сто изот